

Лоран Тевено, Нина Карева

«ЧУДЕСНЫЙ ХЛЕБ» ГОСТЕПРИИМСТВА (недоразумения, проясняющие открытость и закрытость сообществ)¹

В этой работе мы попытаемся представить диагностику относительной «открытости» и «закрытости» современных сообществ, основываясь на частном случае гостеприимства, оказанного россиянину в США (часть 1). На первый взгляд эта история может показаться незначительной и связанной лишь с различием обычаев гостеприимства. Однако она позволяет перейти к анализу результатов нескольких международных сравнительных исследований, которые помогут нам в свою очередь очертить контуры теоретических моделей построения общности и проанализировать их расхождения². В проведенном исследовании на основе единой аналитической сетки были рассмотрены три способа построения/композиции *общности во множественном числе (au pluriel)*, а именно через *величие общего блага*, в плане развития *индивида в публичной сфере либерального общества*, и в модусе «*общее через близкое*» (Thévenot 2010b). Две последние модели применяются и в этой работе (часть 2) для анализа частной истории, через изучение которой мы надеемся несколько приблизиться к большой Истории (часть 3).

Определение этих трех моделей в компаративном аспекте позволяет объяснить глобализацию расширением до мирового уровня модели либеральной конструкции публичности. Естественно, это расширение предполагает столкновение либеральной модели с другими конструкциями общности, такими, как модель общего блага или модель общего через близкое. Не рассматривая эти последние типы как архаические (в плане принадлежности к традиционализму или неотрадиционализму), мы предлагаем сопоставить различные модели построения сообществ и тем самым показать либеральный путь как *один из* вариантов, в основе которого лежат схожие с прочими структурные основания. Мы постараемся выяснить, где именно обнаруживаются «слепые пятна» либеральной модернизации и ее распространения (Тевено 2004). Сравнительный анализ позволяет выявить противоречия и столкновения либерального пути с другими способами общественной жизни, а также ответить на вопрос: почему реакция на либеральную модель часто влечет за собой идею «закрытости»?

В рамках общего проекта первое коллективное франко-американское исследование было посвящено различным формам легитимной оценки в публичной сфере (Lamont, Thévenot 2000), Объектом второго исследования, на этот раз франко-русского, стала архитектура уровней отношения к другим и к миру: от близкого к публичному³. Для анализа этой архитектуры опыт иностранца особенно интересен⁴. Иностранец по определению максимально далек от этой конкретной общности, но как гость он получает возможность оказаться среди «своих». Наблюдение за его опытом помогает увидеть многообразие построения сообщества. Различия в построении общности особенно ярко проявляются в ситуациях недоразумений, а также в следующих за ними оценках и комментариях, описывающих эти эпизоды в терминах открытости и закрытости.

1. НЕБОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ О ГОСТЕПРИИМСТВЕ, ОКАЗАННОМ РУССКОМУ ЧЕЛОВЕКУ В АМЕРИКЕ, С НЕКОТОРЫМИ ДАЛЕКО ИДУЩИМИ ВЫВОДАМИ

Едем за город на пикник. И они останавливаются в маркете что-то там закупать. И вот, когда один пошел, другой ему кричит: «Ты возьми большую упаковку хлеба, ведь с нами сегодня дядя Х и дядя Андрей!»

С этого начался опыт знакомства нашего героя, Андрея, с американским гостеприимством (он стал в 1980-е годы регулярно ездить из СССР в США на встречи с коллегами-физиками). Рассказав эту историю, Андрей дал собственную оценку этого с его точки зрения «*характерного момента*». На конференциях, посвященных архитектуре сообщества, один из авторов статьи (Лоран Тевено) уже не раз отсылал к этой истории в качестве введения. Обычно на этом месте он останавливался и спрашивал публику: какова была реакция Андрея и почему? Подумайте, как гость должен был на это отреагировать и чем можно объяснить яркие впечатления, которые после визита в Америку надолго остаются у русского человека?

* * *

Мы и сейчас не будем торопиться с ответом, который все равно не поставил бы точку в этой истории. Рассмотрим для начала ответы, которые были получены Лораном Тевено на различных симпозиумах, где участвовали социологи и антропологи из США (Калифорнии), России и Бразилии. В этих ответах можно вычлениить три точки зрения. Прежде всего, речь идет об основных действующих лицах истории, выходах из России и США. Кроме того, интерес представляют мнения участников конференции из России, США и Бразилии об оценках россиянами (гостями) поведения американцев (хозяев).

Предположения американских социологов (Калифорния, США)

Итак, перечислим ответы известных американских социологов, опрошенных нами на конференции в Калифорнии.

— А1: «Андрей оскорблен, потому что за хлеб, который будет есть он, заплатил не он сам, а американцы. Он хотел разделить расходы [*he should participate*]».

— А2: «Андрей стесняется, потому что покупка хлеба для него лично обязывает его предложить хозяевам что-то взамен [*it obligates him to reciprocate*]».

— А3: «Андрей недоволен, потому что у него не спросили, чего он хочет: хлеба, овощей или фруктов. А может быть, он вообще не любит хлеб».

— А4а: «Он доволен тем, что его хорошо принимают. Хлеб уже был в достаточном количестве, но они купили еще хлеба, чтобы специально отметить Андрея. Они отдельно выделили своего гостя, наделили его почетным статусом [*they made a big deal of me*]». И как вариант:

— А4б: «Андрей подумал: “Они такие гостеприимные, но хлеб у них плохой”». Социолог, сделавший такое предположение, исходил из того, что хлеб в упаковке — это дешевый хлеб весьма невысокого качества, вязкий на вкус. Само название марки этого хлеба — «Wonderbread» (в переводе «чудесный хлеб», «удивительный хлеб») — стало со временем нарицательным.

Мы еще вернемся во второй части статьи к вышеприведенным ответам, которые раскрывают характерные черты либеральной конструкции публичного, и в частности к апелляции к «рыночному порядку величия» («*grandeur marchande*») (Boltanski, Thévenot 1991), который часто ассоциируется с либеральной моделью публичности и даже с «гражданским порядком величия» («*grandeur civique*») в США (Thévenot, Lamont 2001), — в ответе А1. Отметим прежде всего то, что ответы респондентов показывают важность для них самоидентификации как автономных индивидов и участия в обществе именно в качестве свободного субъекта (А1, А4а). Это участие предполагает наличие индивидуального выбора и публичной манифестации своих предпочтений (А3), но в то же время и опасения в отношении зависимости, которая возникает при получении подарка, потому что обязанность ответного жеста подрывает всю эту автономию (А2).

Но было и другое предположение, высказанное одним из участников конференции после того, как высказались другие. Ответ этого респондента значительно отличался от остальных тем, что упоминал уже не хлеб, а сам праздник:

— А5: «[На мой взгляд], Андрей весьма разочарован. Он бы сам лучше взял пива, все равно праздновать будут довольно долго [*he would rather have some beer for a longer party*]».

И наконец, два предположения, еще больше расходящиеся с либеральной программой:

— А6: «Андрей должен рассердиться: “Вот как они смотрят на весь остальной мир!”»

— А7: «Андрей воображает, что американцы думают про себя: “Эти русские едят один хлеб”».

Эти два предположения были высказаны одним и тем же социологом: в одном из них живее всего выразилось то горькое разочарование, которое может испытать Андрей, представив меру презрения американцев к нему, а в другом — факт менее драматический, мнимое предубеждение американцев по отношению к русским обычаям: дескать, американцы считают, что русские питаются в основном хлебом. Конечно, это может быть и пренебрежительное отношение к русским, для которых удовольствие — наесться хлеба, но также это может быть и простым заблуждением американцев относительно обычаев и привычек питания в России.

Предположения бразильских антропологов и социологов

(Рио-де-Жанейро и Бразилиа, Бразилия)

Мы продолжим наше исследование ответов, обратившись к опыту бразильских антропологов и социологов, с которыми я встречался на конференциях в Рио и в Бразилиа⁵. Но сначала приведем мнение местного экономиста, получившего образование в США:

— В1: «Андрей полагает, что он должен сам платить за свой хлеб».

Другой социолог предложил близкое истолкование: «Этот русский человек думает, что каждый должен покупать для себя свой хлеб и каждый сам может сходить в супермаркет, если нужно».

— В2а: «Андрей в затруднительном положении, потому что видит, что группа не спонтанно решила купить хлеб, но запланировала покупку хлеба так, как будто он предназначен только для гостя».

«Чудесный хлеб» гостеприимства...

Вот еще два сходных истолкования:

— В2b: «Он думает, что о нем беспокоятся, будто он останется голодным, и он этого стесняется».

— В2с: «Он смущается и думает про себя: ведь они могли купить хлеб так, чтобы я об этом ничего не узнал».

Другое истолкование исходит из того, что гость недоволен:

— В3а: «Андрей думает: “Они у меня даже не спросили, люблю ли я белый хлеб, а может быть, я люблю что-то другое, например икру”».

— В3b: «Он выходит из себя: “Идиоты, я же терпеть не могу белый хлеб”».

Другое предположение еще сложнее:

— В4: «Андрей думает: “Они считают, что я буду есть то же самое, что едят они, как будто я включен в их сообщество”».

Еще одно предположение, совсем не похожее на предыдущее, но поддержанное многими исследователями, хотя и высказанное в различном тоне:

— В5а: «Андрей думает, что американцы жадные и поэтому они ему не предлагают ничего, кроме хлеба».

— В5b: «Здесь в Бразилии мы стараемся предложить гостю разные блюда, чтобы он непременно остался доволен и попробовал то, что ему действительно хочется».

А вот различные варианты еще одного предположения:

— В6а: «Андрей: “Эти дурные американцы думают, что я в моей стране не наедаюсь, что там не хватает хлеба”».

— В6b: «Андрей: “Американцы предполагают, что я только и жду, когда смогу наесться белым хлебом”».

Добавим к этому, что один бразильский антрополог, известный своими работами по компаративистике, уклонился от прямого ответа на вопрос («Какова была реакция Андрея?») и вместо этого прокомментировал ситуацию. Он начал с большим профессионализмом говорить о культурных различиях, которые открываются перед иностранцем:

— В8: «Я думаю, что в Квебеке люди более открыты к иностранцам [чем в США], они и праздничный стол накрывать умеют, как в Бразилии».

Предположения российских социологов (Москва, Россия)

А теперь обратимся к ответам двух известных российских социологов, поддерживающих многочисленные научные связи с коллегами из Западной Европы. Они по-другому воспринимают этот вопрос, поскольку не могут не сопереживать своему соотечественнику, но, как социологи, должны уметь профессионально смотреть на эту ситуацию со стороны.

Первый российский социолог, в возрасте около сорока лет, выдвинул два различных предположения:

— R6: «Американцы презирают русских и считают, что есть только хлеб для них в самый раз. Если бы они принимали европейцев, они бы лучше позаботились об угощении».

— R7: «Американцы выбрали для русского гостя хлеб, потому что думают, что русские питаются в основном хлебом».

Первый ответ соответствует шестому ответу как одного американского социолога, так и бразильских антропологов — во всех случаях речь идет о «презрительном отношении» (В6а). Но в то время, как для американских и бразильских респондентов такое отношение американцев обра-

но ко всем без разбору (А6, В6а) и является своеобразной формой критики американского империализма, российский социолог считает, что это презрение направлено именно на «русских». Он, таким образом, констатирует кажущуюся ему враждебность американцев по отношению именно к его стране⁶.

Другое предположение оказывается близким к седьмому ответу, прежде данному американским социологом из США. Речь идет о предвзятости американцев по отношению к русским, причем предвзятости, замешанной на презрении (русские настолько неразборчивы в еде, что могут обедать одним хлебом).

Другой социолог, которому около шестидесяти, также выдвинул два различных предположения.

— R8: «Эта сцена свидетельствует о различиях в культуре гостеприимства, о том, что в США сложилась другая культурная форма гостеприимства».

Второе предположение этого социолога уникально и не согласуется ни с каким из прежде полученных ответов. Его можно назвать хитрым в том смысле, что оно сразу выносит за скобки все прочие предположения, независимо от их вероятности или невероятности. Именно так действуют герои детективов, когда отбрасывают все правдоподобные версии ради той, которая объясняется исключительно случайностью. В результате все прежние догадки теряют свою достоверность и сводятся к тому, что Андрей просто не понял ситуации:

— Американцы приготовили все, чтобы гостеприимно встретить Андрея, и забыли только о хлебе. Андрей просто этого не понял.

Реакция самого Андрея

Итак, когда читатель уже наверняка сформировал свое мнение, прочитав достаточное количество полученных ответов, настало время дать слово самому Андрею и выяснить, совпадает ли его реакция хотя бы с одним из полученных предположений.

Приведем его высказывание полностью:

Вот характерный момент. Едем за город на пикник. И они останавливаются в маркете что-то там закупать. И вот, когда один пошел, другой ему кричит: «Ты возьми большую упаковку хлеба, ведь с нами сегодня дядя X и дядя Андрей». Рассчитано все до предела. И тогда я понял, что, если они богаты, это не значит, что они будут сорить деньгами. Скорее, наоборот, довольно скупы... Вспомнишь наш российские столы, где там четыре сорта винегрета, три сорта рыбного салата, дорогая рыба, икра такая и т.д.

По ходу беседы Андрей стал говорить о закрытости американцев, которые не особо щедры и не особо любят общаться. Он сравнил поведение американцев с той теплотой, с которой в России принимают друга у себя дома: «Я никогда бы не смог жить в Америке, потому что там нет такого общения [как у нас]. Когда настроение не очень, звоню другу: “Как дела? Давай зайду к тебе, у меня бутылка с собой. Надеюсь, твоя жена меня за дверь не выставит”. — “Нет, конечно, жена скорее выставит на стол все, что есть в холодильнике”. Так что мы по натуре гостеприимны. В Европе такого нет» (Карева, неопубликованные интервью).

Таблица 1. Предположения социологов о реакции Андрея и реакция самого Андрея

Американские исследователи	Бразильские исследователи	Российские исследователи	Андрей
<p>A1: Оскорбление, потому что ему не дали заплатить за свой хлеб</p>	<p>B1: Он должен был бы сам заплатить за хлеб</p>		
<p>A2: Смущение, потому что он должен дать что-то взамен</p>	<p>B2a: Смущение, потому что группа вместо спонтанного решения специально акцентировала статус Андрея B2b: Смущение от того, что о нем думают как о голодном B2c: «...ведь они могли купить хлеб, чтобы я об этом ничего не узнал»</p>		
<p>A3: Недовольство тем, что у него не спросили, что он хочет и что он любит</p>	<p>B3a: «Они у меня даже не спросили, люблю ли я белый хлеб, а может быть, я люблю что-то другое, например икру» B3b: «Идиоты, я же терпеть не могу белый хлеб»</p>		
<p>A4a: Удовлетворенность тем, что его хорошо приняли, забыв о его индивидуальности A4b: Гостеприимство их не подлежит сомнению, но хлеб у них плохой</p>	<p>B4: «Они считают, что я буду есть то же самое, что едят они, как будто я включен в их сообщество»</p>		
<p>A5: Разочарованность тем, что ему ввиду празднования не предложили пива</p>	<p>B5a: Американцы жадные, и поэтому они ему не предлагают ничего, кроме хлеба B5b: Для гостя нужно предусмотреть различные блюда, чтобы он ел то, что ему нравится</p>		<p>Рассчитано все до предела. И тогда я понял, что, если они богаты, это не значит, что они будут сорить деньгами. Скорее, наоборот, довольно скупы... Вспомнишь наш российский столы, где там четыре сорта винегрета, три сорта рыбного салата, дорогая рыба, икра такая и т.д.</p>

A6: Недовольство презрением американцев к остальному миру

A7: «Американцы думают, что русские едят только один хлеб»

B6a: «Они думают, что я в моей стране не наедаюсь, что в моей стране не хватает хлеба...»

B6b: «Американцы предполагают, что я только и жду, когда можно наестся белым хлебом»

B8: «Я думаю, что в Квебеке люди более открыты к иностранцам, они и праздничный стол накрывать умеют, как в Бразилии»

R6: «Американцы презирают русских и считают, что есть только хлеб для них в самый раз. Если бы они принимали европейцев, они бы лучше позаботились об угощении»

R7: «Американцы выбрали для русского гостя хлеб, потому что думают, что русские питаются в основном хлебом»

R8: «Эта сцена свидетельствует о различиях в культуре гостеприимства, о том, что в США сложилась другая культурная форма гостеприимства»

Итак, какие из предположений социологов отвечают реакции Андрея? Первые четыре оказались весьма далеки от правды, но пятое предположение почти в точности совпало. Эпитет «жадные» по отношению к американцам был прямо употреблен одним бразильским социологом (B5a), который к тому же тоже считает, что это черта американского национального характера. Также бразильский социолог полагает, что американцы проявили неуважение к гостю, предложив ему только хлеб, но не предложив икры (B3a), упомянутой как раз в ответе Андрея как пример нормы гостеприимства в России. В сравнении с ней американское гостеприимство выглядят довольно жалко.

2. ГОСТЕПРИИМНАЯ ВСТРЕЧА ИНОСТРАНЦА КАК РАСКРЫТИЕ РАЗЛИЧИЙ В АРХИТЕКТУРЕ СООБЩЕСТВ

Почему же мы выбрали этот краткий рассказ ради весьма широких обобщений, касающихся открытости и закрытости современных обществ? Зачем пригласили бразильцев к обсуждению противопоставления США и России? Прежде чем ответить на этот вопрос и перейти ко второй части нашего анализа, отметим, что рассказ Андрея несет в себе много общих соображений в связи с темой этого номера «НЛО», посвященного антропологии современных закрытых обществ: болезненное недоверие к иностранцам, которые «нас не понимают», культ местного гостеприимства, эмоционально острое переживание выезда за пределы страны. Поэтому эта история частного разочарования и может в каком-то отношении приблизиться к нашей общей, большой Истории.

Конечно, тут сценарий открытости Запада, особенно американской модели открытого общества, можно легко противопоставить закрытости, ожи-

«Чудесный хлеб» гостеприимства...

дающей в чужой стране подвоха и ностальгирующей по «теплым» отношениям в своей стране. Но постараемся соблюсти симметрию⁷. Вышеизложенная маленькая история приобретает свой смысл, поскольку на ситуацию можно взглянуть с обеих сторон, в том числе и с американской. Мы выслушали разные предположения и сопоставили их в приведенной выше таблице. Но настоящий анализ требует большего, а именно взгляда, равноудаленного от позиций той и другой стороны и готового воспринять как ту, так и другую правду. Не в этом ли и состоит задача наук о культуре и обществе, которые, не порывая с той культурной средой, в которой они существуют, должны научиться анализировать свою зависимость от этой среды и попытаться преодолеть ее, чтобы расширить сферу применения своих аналитических инструментов. Ответы нескольких социологов и антропологов (B8 и R8) учитывают эту симметрию взглядов друг на друга, объясняя ситуацию культурными различиями обычаев гостеприимства. Но простая декларация культурного релятивизма не позволяет продолжить компаративный анализ. Сравнивая сообщества в этом отдельном аспекте, мы, конечно, не претендуем на исчерпывающий анализ всех культурных особенностей, но предлагаем соотнести эти различия с тремя моделями построения общности во множественном числе (Thévenot 2010b). В частности, две из этих моделей позволят нашему исследованию открытости и закрытости *симметрично* рассмотреть сценарии их столкновения и развития в Истории. Но прежде остановимся на основном моменте анализируемой ситуации: встрече с «чужим» в контексте режима гостеприимства.

**Режим взаимного гостеприимства и встреча с «чужим»:
разочарование Андрея**

История Андрея говорит о том, насколько трудно бывает принять иностранца, если он уже не находится в позиции туриста (и в соответствующем пространстве), а получил статус гостя на большее или меньшее время — что Нина Карева и назвала «режимом гостеприимства» (Kareva 2010, гл. 1). Осуществление гостеприимства всегда рискованно, потому что приходится принимать чужака, который весьма удален от своей общности, и причем принимать его в самом близком и интимном для себя пространстве — у себя дома. Таким образом, в привлечение гостя вовлечены обе стороны, которые и поддерживают правила «хорошего приема», несмотря на опасения потерять доверие и спровоцировать враждебность. Но даже при встречном взаимодействии все отношения остаются глубоко асимметричными и иерархичными: «Приглашенные принимают условия жизни “хозяев дома”, даже если им этого совсем не хочется» (там же). Хозяин должен все время оказывать гостю знаки внимания, а гость — всячески выражать свою признательность, чтобы не отклониться от принятого режима [взаимности]. Андрей не мог бы открыто высказать американцам свое разочарование, которое он доверил впоследствии своей соотечественнице, взявшей у него интервью. Мы уже не говорим об усталости хозяев и о том невероятном послушании хозяевам, которое должны выказывать благодарные гости — опять же ради соблюдения режима гостеприимства (там же). Если смотреть с позиций требований этого режима, то может показаться, что американцы в рассказанной истории оказались не на высоте.

Андрей, живя в американской семье, настроен на режим гостеприимства, то есть на взаимное удовлетворение хозяина и гостя в рамках иерархии

пробывания «у кого-то». В этом случае его ожидания соответствуют позиции иностранного гостя, за которым ухаживают, которому показывают [себя]. Гость, в свою очередь, должен оценить оказанное ему внимание и принять его с благодарностью. Андрей, таким образом, считает естественной разницу между своим положением и положением хозяев дома. В это время американские друзья ориентированы на то, чтобы включить «дядю X и дядю Андрея» в свой план, не выделяя их положение ничем по отношению к своему собственному (иерархия отсутствует), не меняя плана, а лишь включая в него еще двух человек. Ориентация на два разных режима (режим гостеприимства и режим запланированного действия) становится источником, в данном случае, разочарования Андрея. Вместо формулы, имеющей характер критики («скупые американцы»!), мы рассматриваем культурное различие как направленность на разные режимы вовлеченности в рамках одной и той же ситуации (Kareva 2006)⁸.

Противоположная сцена: прием иностранца в России и симметричный анализ

Итак, хотя основные структурные черты режима гостеприимства неизменны, его контуры меняются в зависимости от общности, в пределах которой и оказывается гостеприимство. Чтобы уяснить для себя эту вариативность, перейдем к новому этапу нашего анализа, который будет посвящен двум моделям построения общности во множественном числе (*au pluriel*). Позиция иностранца в этих моделях существенно различается. Симметричность анализа открытости и закрытости современных сообществ, безусловно, предполагает анализ ситуации гостеприимства в России. Последовавшее за перестройкой открытие границ сопровождалось все более частыми поездками россиян за границу, в том числе в Западную Европу и США (de Tinguay 2004), а с другой стороны, увеличилось и количество приезжающих в Россию иностранцев.

Наряду с неизменным восхищением щедростью русского гостеприимства (даже во времена дефицита для гостей накрывался стол с богатым выбором блюд) и благодарностью за теплый и заботливый прием иностранные гости могут ощущать и некоторую неловкость. Анализ этого чувства неловкости, ощущения, безусловно отличного от разочарования Андрея, и позволит нам сделать симметричный анализ ситуаций. Возьмем случай, проанализированный нами в рамках вышеупомянутого исследования, а именно впечатления бельгийской семьи, в 1980-е годы прожившей несколько лет в СССР:

Женщина из этой семьи рассказывала: «[Спрашиваю:] “Можно я схожу на рынок?” Русские друзья отвечали: “Нет, не надо... Тебе что, в Бельгиию обратно захотелось?” Меня это раздражало, я видела, как им тяжело, как каждую неделю они таскают сумки с овощами, пешком, в метро, и картошку, и кули мяса, идут пешком... Меня это пугало, потому что я привыкла все делать сама, ну это же было невыносимо. Я чувствовала себя так, словно меня нянчили как маленького ребенка, а мне это зачем?» Этой женщине казалось, что ее друзья преувеличивали трудности («Они внушали мне, что, если я пойду на рынок, меня могут там убить») и скрывали от нее полезные сведения: «Когда я спрашивала у моих друзей, где находится рынок, они просто отвечали: “Ой, ну это так далеко, совсем далеко»». Наконец она попыталась вырваться из этих объятий необходимости. Сначала она предложила заплатить за друзей, но они «отнекивались». И наконец она убедила своего мужа отправиться на поиск рынка самостоятельно и там купить все необходимое самим (Kareva 2010, гл. 1.5).

Обратим внимание на некоторые характерные особенности этого опыта. Бельгийская гостя, конечно, очень признательна русским друзьям за оказанное ей гостеприимство. Но поддержка со стороны друзей обременяет ее, что она и обозначила четкой формулой: «Меня нянчили как маленького ребенка». Поэтому она предлагает *заплатить* за оказанное ей гостеприимство, как если бы речь шла об услуге, что, естественно, ведет к переходу от режима гостеприимства к «рыночному порядку величия» («*grandeur marchande*»), на что не соглашаются принимающие ее русские друзья. Тогда она убеждает своего мужа, что можно обойтись без помощи тех, у кого она гостит. Ее смущение и ее подозрения весьма сходны с теми чувствами, которые предположили в Андрее американские и бразильские (но не русские) социологи. Конечно, эти соображения ошибочны в отношении действительной реакции Андрея, но они помогают понять ожидания в отношении той модели построения общности, которую мы назвали «либеральной» и которую мы будем рассматривать в следующем разделе статьи. На эти ожидания оказывает влияние и помощь гостю, о которой рассказала наша бельгийская собеседница, — анализ этой помощи позволит нам описать еще одну модель построения общности — «общее через близкое». Вся ситуация выдает беспокойство по поводу зависимости, возникающей в результате чужой щедрости, принуждающей отдавать что-то взамен (см. предположение А2), что провоцирует индивида волевым усилием освободиться от этой зависимости, а именно просто отдать деньги за оказанные ему услуги (см. предположения А1, В1).

**Прием иностранца как выявление построения общности:
либеральное построение общего и построение общего через близкое**

В наши задачи не входит ни сравнение национальных характеров, ни сопоставление обычаев гостеприимства, ни даже сравнительное рассмотрение культур, которые предстают в нашем рассказе только как элементы глобального мира. Мы затрагиваем в своем анализе только модели построения общностей, которые могут быть множественными и в одной стране, могут причудливо сочетаться и сопоставляться со сходными общностями в других странах, делая возможным их сравнение. О том, что эти сходства реальны, говорят ответы бразильских антропологов и социологов, которые, живя в стране, не похожей ни на США, ни на Россию, в которой они никогда не были, смогли отгадать действительную реакцию Андрея. Мы попытаемся вторгнуться внутрь самих сценариев открытости и закрытости «модерных» сообществ и соотнести их по двум моделям строительства общности, весьма непохожим друг на друга. Эти две модели мы разработали с опорой на два уже упомянутых сравнительных эмпирических исследования: французско-американское и французско-русское⁹. Прежде чем рассматривать эти сценарии, представим в общих чертах анализ построения общности во множественном числе, исходя их двух сопоставляемых моделей¹⁰.

*Две операции по образованию общности
во множественном числе: коммуникация и композиция*

В нашем проекте мы пытаемся предложить новый подход к политике, который исходит из прагматических требований, раскрывающихся в повседневной жизни человеческих сообществ. Не обращая напрямую к институтам, правовым системам, процедурам выборов или принятия решений,

которые образуют формальное оснащение политики, и не останавливаясь на политических теориях, предлагающих абстрактную систематику, рассмотрим различные сообщества и управление ими начиная со способа действовать в мире с остальными. Несмотря на различия между общностями, которые можно объяснить специфическими деталями культурных и исторических контекстов, в нашем проекте устанавливается нечто общее для различных типов социальности: речь идет о построении общности, взятой во множественном числе. В этом определении множественное число употребляется без уточнений, поскольку ни о какой спецификации формул такого построения еще говорить не приходится. Нами пока признается только одно принципиальное различие, а именно род этого конструирования общности. Термины «общность» и «сообщество» употребляются здесь без дополнительных уточнений относительно того, каким образом существуют несколько разных «общностей». Пока мы употребляем слова «публичность» и «общность» как синонимы, имея в виду один и тот же смысл — то, что направлено на целое сообщество и вполне с ним соотносится. Расхождения между двумя терминами затрагивают в действительности те различия в построении сообщества, которые мы и намерены исследовать. Вместе с тем представление об ограниченном характере сообщества важно для реального осмысления политики [поскольку высказывания и действия членов сообщества оцениваются исходя из принципов того или иного относительно закрытого сообщества]¹¹.

Мы будем характеризовать состав сообщества во множественном числе, исходя из двух первичных операций. Первая состоит в преобразовании крайней несхожести людей с их личными и пространственными привязанностями в такое состояние, которое позволяет им принимать участие в общности. Эта первичная операция может быть названа «коммуникацией»; в изначальном смысле этого слова речь идет об обобществлении. Вторая операция, способствующая образованию общности во множественном числе, «построение», «композиция», представляет собой интеграцию находящихся в коммуникации людей. Не следует забывать, что во французском языке выражение «составлять» (*composer avec*) означает «складывать целое из различающихся между собой составных частей». Второе значение этого выражения — «договариваться с противной стороной по поводу какого-либо разногласия». Уточнив, какой оборот принимают эти операции в каждой из моделей, мы сможем разглядеть все аспекты, связанные с этими формулами композиции, которые проявляются как в маленькой, так и в большой истории: отношение к иностранцу, эмоциональная реакция «по ходу» коммуникации и способ присвоения власти во имя общности и ее благ.

Формула либеральной композиции — индивид в состоянии публичности

У нас, конечно, нет притязания на то, чтобы уложить в одну формулу богатейшую традицию либеральной политической мысли. Наши цели скромнее, мы лишь пытаемся разобраться, каким образом общее возникает из различного, если проследживать операции коммуникации и композиции. В случае либерального образования общества мы не будем обращать внимания на институции, а сосредоточимся только на прагматических условиях формирования либеральной общности, в контексте «демократии прямого участия», в той форме, в которой мы наблюдаем ее в многочисленных согласительных процедурах.

«Чудесный хлеб» гостеприимства...

На первый взгляд (и весьма часто анализ на этом и останавливается) либеральный индивидуализм предоставляет каждому лицу то место, которое подходит только ему одному, и, таким образом, являет собой крайнюю степень атомизации. Но более серьезный анализ либеральной формулы приоткрывает нам более сложную и взыскательную композицию, позволяя избежать недоразумений, связанных как с понятием индивида и индивидуализма, так и с событием предполагающей их свободы. Расшифровка операции «коммуникации» позволяет уточнить способ, которым то или иное лицо принимает участие в либеральном сообществе, возвышаясь тем самым до состояния «индивида в состоянии публичности»¹². Чтобы участвовать в публичной сфере наравне с другими лицами, вступившими в то же состояние публичного индивида, человек должен уметь придать форму сообщаемого всему тому, что его касается, сделав его таким образом приемлемым для операции либеральной «композиции». Такое состояние требует трансформации всего, что его поразило, и доброго, и злого, и событий широчайшего размаха, и самых личных происшествий, в единый формат *индивидуального интереса*. И в рамках этого формата индивид в состоянии публичности способен высказывать свое предпочтение или положительное мнение, подчеркивая свою автономность согласием и ответственностью за результаты. Мнения и интересы как элементы сообщаемого в рамках либеральной публичности должны быть достаточно независимыми от конкретных лиц и достаточно объективированными, чтобы стать объектами предпочтений и выбора со стороны других индивидов, которые вкупе и образуют общность во множественном числе. Но это условие не такое уж ничтожное, оно обязывает к серьезным трансформациям привязанностей, которые в своей привязки к тому или иному лицу непригодны к либеральному сообщению их другим лицам. Имеются в виду зависимости от принятых в семье обычаев, религиозные убеждения или лояльность какой-либо политике, то есть все, что несовместимо с индивидуальным выбором.

Операция коммуникации вовсе не притупляет остроту различий, но только вмещает эти различия в благоприятные формы композиции, на основе сопернического выбора. Чаще всего обозначенная в формате *переговоров*, такая композиция предполагает прохождение различных процедур, позволяющих учитывать расхождения в индивидуальных интересах и взглядах¹³.

Одна из процедур таких переговоров позволяет освободиться от сложных обсуждений о том, как именно следует учитывать различия, благодаря соизмеримости расчета, основанного на цене. Помимо того, что при этом требуется общая форма оценки, сам переход к ситуации рыночного способа согласования действий требует, чтобы всякая возможность делалась предметом исключительного владения и реализовывалась в рамках системы товарно-денежных отношений. Благодаря относительной смежности либеральной композиции общности и принципов рыночного порядка величия возможно и сильное притяжение власти второго над первым. Но все же смещение того и другого (либеральной композиции и принципов рыночного порядка величия), часто наблюдаемое, в частности, в критике неолиберализма, мешает как анализу политики, так и взвешенности самой критики. Если в рыночном порядке общее благо является четко определенным, то в либеральной композиции его форма остается открытой, незакрепленной.

Формула либеральной композиции, то есть публичности индивидов, демонстрирует особую открытость в отношении различий, и в этом смысле ей присуща благожелательность в отношении иностранца. Ее публичная сфера уже подразумевает признанное разнообразие людей, которые не разделяют ни понимания общего блага (как в случае композиции величия общего блага), ни общих пространств (как в модели общего через личное). А может быть, индивиды в состоянии публичности в этом сообществе в такой степени далеки друг от друга, что прибывший извне чужак не настолько от них и отличается и принимается как любой другой индивид данного сообщества? Не способствует ли горизонтальное публичное пространство этих индивидов интеграции иностранца в их сообщество на правах равного?

Так как лица в статусе индивидов являются тогда в той или иной мере «иностранцами» друг относительно друга, то столкновение двух индивидов угрожает перерасти просто в драку. Композиция оперирует переговорами между ними и добивается общественной объективации индивидуально выбранных опций — эти опции сглаживают и сдерживают столкновения индивидов. Это точно так же, как аффективная реакция в общении может предупредить агрессию. Такая реакция выражается в радостном и обнадеживающем (*cheerful*) приеме другого индивида, даже если он совершенно не знаком, в выражении лица читается аффективный порыв, как если бы речь шла об очень близком и дорогом существе.

Предположения американских социологов и значительной части их бразильских коллег о реакции Андрея в общем и целом исходят из этой формулы либеральной композиции. Они считают, что эта формула не была применена должным образом, и требуют внести в нее поправки, чтобы ее восстановить. В их представлениях операция коммуникации всегда открыта, так как она требует от любого человека возвыситься до индивида в состоянии публичности, «чтобы быть отмеченным всеми в качестве индивида» (см. А4а). Она предполагает беспокойство по поводу отсутствия возможности публично выразить собственные предпочтения, собственный выбор или индивидуальное согласие: «они не спросили, что я хочу и что люблю» (А3); «не спросили, люблю ли я белый хлеб, может быть, я люблю что-то другое» (В3а); и даже: «я ненавижу белый хлеб» (В3b). Операция композиции путем согласования автономных индивидуальных предпочтений обнаруживает себя и в смущении, вызванном услугой, о которой не просили и которая обязывает теперь к ответному жесту (А2). Она очевидна и в идее, что, если индивид участвует в либеральном сообществе (в данном случае в пикнике), он должен был оплатить свое участие, заплатив, в частности, за хлеб (А1, В1).

Конечно, в рассказанной Андреем истории нам не хватает прямых слов американских организаторов пикника, и производившая анкетирование исследовательница смогла расспросить только русского протагониста. Но точка зрения американцев может быть реконструирована из других сцен анкеты и из предположений американских социологов. Мы можем с полным основанием отнести это точку зрения к формуле либерального построения сообщества во множественном числе. Н. Карева подчеркивает, что режим планового действия в данной конкретной истории оказался важнее режима гостеприимства, ведь пикник организуется как координированный проект индивидов, в рамках которого все рассматривается исключительно с точки зрения своей функциональности для достижения по-

«Чудесный хлеб» гостеприимства...

ставленных целей (Тевено 2000, Thévenot 2006). Стоит добавить, что этот режим планового действия является одним из оснований либеральной композиции сообщества *in pluriel*. Действительно, он подразумевает сообщение с миром и с другими, которое принимает форму индивидуального выбора в рамках некоего проекта, — что совершенно необходимо для достижения статуса индивида в состоянии публичности, который может излагать свои конкретные предпочтения и объективные возможности и, значит, готов достигать соглашений путем переговоров. Поведение участников полностью направлено на реализацию планов по организации пикника. Но при этом либеральное сообщество принимает еще и двух новичков, просто добавляя немного хлеба к общей доле, и тем самым незамедлительно уравнивает новичков в правах со всеми членами, уже находящимися в сообществе, поскольку разрешает им участвовать в общей ситуации на тех же основаниях, что и другие.

Мы можем сказать, что Андрей не воспользовался этой открытостью либерального сообщества и даже не заметил ее, обратив внимание только на мнимое крохоборство и пренебрежительное отношение к нему лично. Это недоразумение, ставшее причиной досады, позволяет нам лучше понять другую формулу композиции сообщества, в которую как раз и вписывается представление Андрея и из которой исходят его собственные ожидания гостеприимства.

Формула композиции «общее через близкое»

Целый ряд англосаксонских исследований рассматривает «коммунитаризм» как противоположность либерализму, видя в нем просто отрицание либеральной традиции, что мешает понять специфику той формулы, о которой сейчас пойдет речь. Другое затруднение происходит из акцента на унифицирующем, объединительном характере такого «сообщества» (рассматриваемого в узком смысле «сущностного», «чистого» сообщества). Конечно, после катастрофического политического опыта XX века понятно подозрение, с которым относятся ко всем призывам к сущностному единению и ко всяким формам закрытой тотальности, обеспечивающей нерушимость такого единства. Но обеспокоенность, вполне оправданная в отношении «чистого» сообщества, мешает нам различить ту композицию сообщества во множественном числе, в которой различные личные привязанности вполне совместимы с причастностью к общему делу.

Но что это за удивительная конструкция, в которой свободное выражение самого «своего», самого личного, оказывается совместимым с сутью общего? Все дело в том, что такая конструкция основывается на операции обобщения, совершенно отличающейся от той, которую требует либеральная композиция. Эта общность не должна сводиться к одному общему качеству, поскольку это раз и навсегда фиксирует сущностное сообщество в некоем данном состоянии и уничтожает вообще общность человечества. Если мы обратимся к самому смыслу слова «общение», как оно употребляется среди людей для обозначения вещи весьма обыкновенной, то можно сказать, что общение происходит так же, как происходит переход из комнаты в комнату в личном жилище — эти комнаты отделены одна от другой, но тем не менее они сообщаются благодаря общему пространству. В сообществе «общего через близкое» общение происходит как раз в таких «общих местах». Общие места — это вовсе не средство унификации

в том смысле, как это понимается в отношении «холистических сообществ», особенно если воспринимать понятие «общее место» в тривиальном смысле — как избитое клише. Общие места, как, например, коридоры или кухни общежитий, связывают личные пространства. Они позволяют личности выразить себя в этом общем пространстве, сделав его в каком-то смысле своим, при этом оставляя место и различиям, которые тоже должны утверждаться только в этих общих местах¹⁴.

Русское слово для обозначения отчизны, «родина», выдвигает на первый план важнейшую черту коммуникации в плане «общего через близкое»: пространственную гибкость общих мест. Корень этого слова, «род», напоминает как раз о происхождении, из которого постепенно вырастают «родины» различных масштабов, будь то страна в целом, отдельный регион или даже небольшой «уголок» малой родины — место, где человек родился. В переносном смысле этого слова прилагательное «родной» означает еще и общность, появляющуюся вследствие длительной дружбы: мы говорим, например, «родной друг».

Такая специфика общения позволяет понять, каким именно образом действует композиция «общего через близкое», сближая личные особенности через общие места. Само понятие близости означает тогда территориальную близость, соседство, родство или знакомство, то есть все, что позволяет общаться на основании тех же самых общих мест. Здесь мы максимально удаляемся от либерального выстраивания сообществ, при котором возможности, немедленно становясь предметом соперничества и переговоров, остаются столь же различными, сколь и минимально общими, поскольку ни в коем случае не предвидится, что одни и те же возможности будут выбраны всеми индивидами в обществе¹⁵.

Нетрудно признать, что в формуле композиции «общего через близкое» есть место и эмоциям. Излияние души при общении может довести до слез. Это свидетельствует о прямом характере общения в общем пространстве, в отличие от либеральной конструкции, где общие места выполняют скорее роль посредника, нежели проводника, и где особое значение придается дистанции. Перед нами не просто сострадание и сочувствие, но и растроганность, которая позволяет почувствовать и вновь открыть свою собственную человечность. И когда аффект общения становится соучастием в чужом горе, различие между позитивной и негативной эмоцией уже не так существенно.

Итак, иностранец получает свое место в композиции «общего через близкое». Его место особенное, и это значит, что он становится предметом особого внимания. Его прибытие празднуется со всей возможной широтой щедрого гостеприимства. Такое почтительное обращение есть следствие самой формулы композиции. Иностранец оказывается наиболее удаленным от «общего через близкое» и, следовательно, и от частого пребывания в общем пространстве, которое всегда означает и его личное присвоение. Он не способен принимать участие в самом создании общности на равных с местными жителями. Последние должны постоянно помогать ему преодолевать его неспособность, то есть обходиться с ним как с маленьким ребенком. Иностранец особенно благожелательно принимается тогда, когда он не вмешивается в то, что к нему непосредственно не относится, или, лучше сказать, в то, что не предназначено для его взгляда. Ему не стоит надеяться стать одним из местных, одним из «наших», и он должен как можно дольше сохранять свою изначальную способность «быть не своим».

«Чудесный хлеб» гостеприимства...

Модель порядков величия опирается на значимое для всего человечества чувство справедливости и несправедливости. Это чувство способствует критике существующего порядка и попыткам исправить неравное распределение степеней значимости/величия. Однако этому мешают различные конструкции властных структур, которые выстраивают то, что по-русски называется «крышей», на основаниях, отличных от патриархального порядка величия, открытого для испытания критикой.

Помимо этой метафоры другие термины, связанные с домом и домашней обстановкой в патриархальном порядке величия и конструкциях властных структур, служат определениями для способов выражения авторитета. Тамара Кондрагьева объясняла длительный период русской истории, со времен Средневековья и до советского времени, через фигуру «отца-кормильца» (Kondratieva 2002, 2009). Очевидны евхаристические отсылки этого образа, развертывающиеся вокруг словесного представления «стола» как «престола». Стол, за которым восседает всемогущий Кормилец, и образует иерархическое отношение между ним и его сотрапезниками (там же). Совершенно не случайно история русского гостеприимства вертелась вокруг стола и хлеба, который по идущему испокон веков славянскому обычаю принято подавать на стол вместе с солью. Совместная трапеза и представляет собой сообщество, объединенное вокруг стола. На пикнике стол и учреждаемая им иерархия исчезают, уступая место земле, на которую садятся все участники пикника, — и они на равных основаниях сами накалывают на шпажки разложенную перед ними еду. А что до еды, это всего лишь мелкие кусочки — ничто, одним словом. И конечно, в такой еде нет никаких качеств манны небесной, провиденциально раздаваемой главой семейства, который осуществляет свою покровительственную власть тем, что определяет, как кого «кормить».

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ХОДУ ИСТОРИИ И К ЕЕ СЦЕНАРИЯМ

Вернемся теперь к движению той частной истории, что нас занимает, и к большой Истории, которую мы пытаемся прояснить. Теперь в этом эпизоде мы можем рассматривать симметрично обе стороны, располагая сквозными категориями анализа, которые схватывают динамику отношения к иностранцу, не сводя все к столкновению культур или к признанию культурного разнообразия обычаев гостеприимства. Также мы попытаемся прояснить все различия в восприятии закрытости и открытости и реакции, порожденные на разных этапах осуществлявшихся сценариев.

Динамика недоразумения

Первый акт — это открытие (*ouverture*) — историческая открытость Запада к Востоку и его жителям и наоборот. Анализ двух формул композиции и соответствующих отношений к иностранцу позволяет нам сделать вывод, что столкновение этих формул и вызвало взаимные недоразумения, в которых мы и попытались разобраться.

Открытие и недоразумение закрытости

Итак, начнем с того движения, в котором открытость одного диагностируется другим, напротив, как закрытость.

С / L1. Индивид, находящийся в композиции L (либеральной), считает, что человек, который находится перед ним и пребывает в композиции С («общее через близкое»), демонстрирует закрытость, если не признает за ним проявления индивидуальности, своих предпочтений, выбора и независимости. История, рассказанная бельгийской женщиной, описывает именно такую ситуацию.

L / C1. Напротив, тот, кто находится в композиции С, считает, что человек, принадлежащий композиции L, проявляет закрытость, если не демонстрирует по отношению к нему особого отношения и щедрости, которые нужно оказывать иностранцу. Безусловно, опыт Андрея — это опыт советского человека. Однако исследования показывают, что и молодые россияне воспринимают общение с ними за границей как проявление закрытости.

Мы были неприятно удивлены закрытостью французов. Мы привыкли к тому, что люди общаются друг с другом, особенно если они студенты, а больше всего общаются с иностранными студентами, потому что это интересно. С тех пор как мы сюда приехали, на нас никто не обращает внимания. Конечно, если мы спросим что-то, нам отвечают. Если мы просим конспекты, они нам дают, но они даже не пытаются установить с нами контакт (Kareva 2010, гл. 3.2).

Недоразумения желательные и нежелательные — их применение

Полное [взаимное] непонимание, если перенести ситуацию на большую Историю, таит в себе опасность перехода от гостеприимства к открытой враждебности. Такое недоразумение с точки зрения принимающей стороны совершенно необоснованно и может вызвать только разочарование. Это же недоразумение могут использовать при обвинениях в лицемерии. Кто считал, что ему была обещана открытость, и увидел, что это обещание не было удовлетворено, начинает представлять другого возмутительным лицемером.

Но кроме этого рода нежелательного недоразумения существует и род желательного недоразумения, желательного хотя бы на время, до тех пор, пока оно может поддерживать иллюзию и согласие обманывающего с обманываемым. Одно из таких недоразумений занимает значительное место в интересующей нас истории. Оно состоит в том, что лицо, принадлежащее композиции «общего через близкое», смешивает либеральную композицию с индивидуальной (и даже индивидуалистической) свободой как освобождением от «всяческих оков», то есть от всякого контроля государства и от всех правил. Именно такое недоразумение было в центре эйфорической встречи России и Запада в 1990-х годах. Хотя индивиды, относящиеся к либеральной композиции, сами путают эти понятия, не лишено оснований утверждение, что именно это желательное недоразумение эксплуатировалось для того, чтобы завоевать русский рынок. Маркетинг личной свободы, перенесенный в страны Восточной Европы, позволил многим западным предпринимателям использовать эту нишу, предлагая в качестве рекламного аргумента приобретение «даровой» свободы как довосок к построению рынка¹⁶. Но последующие события продемонстрировали следствия нехватки конвенциональных регулирующих инфраструктур, которые совершенно необходимы для «рыночного порядка величия»¹⁷. Также оказалось, что простой обмен товаров недостаточен для того, чтобы обеспечить предпосылки и условия, жесткие и при этом необходимые для либеральной композиции публичности¹⁸. Вот почему подобное недоразуме-

ние теперь уже нежеланно и то, что было хорошо в 1990-е годы, теперь воспринимается только с горьким разочарованием.

Напряжение, характерное для современности: уроки истории, роль рефлексии и симметрии

В нашей небольшой истории, как в анекдоте, встретились русский и несколько американцев. Но наш анализ не свелся к иллюстрации культурных различий, а заставил задуматься над структурным напряжением между двумя способами выстраивания общности и над сценариями, которые получаются в результате: 1) недоразумение, порожденное конфронтацией этих путей; 2) разочарование, вызванное этим недоразумением; 3) реакция закрытости, оборонительная или даже наступательная. Это позволяет нам в каком-то смысле подняться над столкновением двух отдельных наций и над интерпретациями через характерные черты, в которых проглядывают лишь какие-то атавизмы. Перед нами открывается более общее явление, характерное для движения современности¹⁹. Это движение действительно подражает — и «глобализация» его усиливает — распространение либеральной композиции на миры, построенные на основе формулы «общего через близкое». Именно напряжение и структурные недоразумения, которые при этом происходят, чаще всего и описываются в терминах открытости и закрытости. Это напряжение проявляется в отношениях не только между народами, но и внутри нации. Нации, более всего включенные в либеральную формулу, не отказываются прибегать и к композиции «общего через близкое». Именно так происходит при формировании сообществ западных «экспатов» в России или Восточной Европе, которые своей закрытостью вполне схожи с сообществами русских эмигрантов за рубежом. Но особенно это явление заметно в моменты внутренней мобилизации против врага — внешнего врага, угрожающего нации, или внутреннего врага, угрожающего раздробленностью в духе гражданской войны²⁰. Может ли расширение либеральной формулы в мировом масштабе восприниматься как повод для беспокойства? И в чем симметричная угроза формулы «общего через близкое»?²¹

Если говорить кратко, давление, осуществляемое на композицию «общего через близкое», ставит под угрозу всю тонкую архитектуру разномастных общих мест и присущие ей формы коммуникации — все это превращается в простую топографию, разбитую на общественные и частные пространства²². Множественные запасные пути, на которые можно было свернуть, оказываются закрытыми, поскольку именно по ним и продвигаются составы аффективных эмоций.

И напротив, давление на либеральную композицию вводит тяжкие ограничения, главным из которых следует назвать ограничение приема «чуждого». В космополитическом мире современности, где мы все призваны обитать, этот недостаток воспринимается особенно тяжело. Кроме того, сокращаются разумные процедуры, которые бы позволили совладать с этими различиями, ограничиваясь лишь двусторонней процедурой контракта, где оговариваются индивидуальная воля и индивидуальный интерес, уже заранее до этого обозначенные в планах.

Возвращение к истории: к сценарию без разочарования

Работа рефлексии, позволяющая дистанцироваться от воззрений, предопределяемых собственной принадлежностью к тому или иному выстро-

енному сообществу, и симметрично рассмотреть чужую точку зрения, представив и свою странность для иностранца, — удел не только исследователя. Мы уже отметили, что далеко не всем удастся проделать такую работу. Указанное выше исследование показало, что ответы опрошенных дают несколько сценариев выхода из ситуации, где обманутые ожидания гостеприимства воспринимаются как закрытость (Kareva 2010).

Первый сценарий, довольно часто упоминающийся и соответствующий восьмому комментарию нашей таблицы, был высказан социологами и антропологами, которые попытались дистанцироваться от реакции Андрея и предложить объяснение, в основе которого лежат культурные различия между двумя соприкоснувшимися друг с другом мирами. Досада гостя и асимметричное предубеждение по отношению к иностранцу, благодаря такой рефлексивной позиции, способствовали переходу к режиму исследования, при котором можно понять, чем именно *странен* иностранец. Этот сценарий был, в частности, описан Нонной, русской студенткой, в 1992 году отправившейся на год учиться в один из американских университетов. Нонна призналась, что ей быстро надоели ностальгические вечеринки в узком кругу соотечественников с традиционными тостами, песнями бардов и таким же знакомым набором русских блюд и напитков.

Ситуация, которую она описывает, представляет собой новый сценарий выхода, в каком-то смысле противоположный истории Андрея. Однажды Нонне с одной подружкой-соотечественницей пришлось обратиться за помощью к незнакомому американцу. Обе девушки решили, что избавившись от своей иностранной национальной принадлежности, они смогут добиться более личного общения. Однажды она оказалась с подружкой у удаленного от города супермаркета. Машины у них не было, поэтому они обратились к одному из водителей, пожилому темнокожему американцу, с просьбой их подвезти.

На взгляд Нонны, ситуация описывалась так: «Две красивые девушки просят о помощи». Но вовсе не привлекательность девушек заинтересовала водителя. «Я была изумлена, когда в ответ на мою просьбу услышала ответ: “А из какой вы страны?” Я просто не знала, как быть, ведь это очень странно, просто две симпатичные девушки просят их подвезти. Я ответила, не без внутренней подавленности, что мы приехали из России. Водитель помолчал, задумался, а потом серьезно ответил: “О’кей, я вас подвезу, потому что вы, в России, создаете восхитительную музыку — Чайковский, Рахманинов”. Мы плюхнулись на сиденья, чувствуя благодарность Чайковскому и Рахманинову» (Kareva 2010).

Как мы видим, пожилой водитель совершенно не воспринял личную сторону просьбы девушек и их привлекательность не сыграла никакой роли. Он отметил их как русских и оказал им помощь как представительницам той страны, музыку которой он очень любит, соединив в своем уме Чайковского, Рахманинова и незнакомых ему девушек.

* * *

Мы оставили эту историю напоследок не только потому, что она предлагает более счастливый выход из ситуации, нежели обиженная сосредоточенность на себе (иногда подпитываемая злобой), но еще и потому, что она показывает пример, как композиция «общего через близкое» может пересекать установленные общностями границы и открывать возможности

общения в общих местах планетарного масштаба. Впрочем, интересно, что водитель оказался здесь афроамериканцем, поскольку композиция «общего через близкое» самым широким образом представлена и в афроамериканском сообществе.

Продолжая общение посредством общего музыкального пространства, как в нашем эпилоге, отметим, что формула композиции «общего через близкое» оказывается сегодня уникальным образом сопряжена с либеральной композицией — в архитектуре сообществ, находящихся в самом центре нашей новейшей современности. С помощью современных технических средств общения, таких, как компьютеры, мобильные телефоны и особенно интернет-сайты индивидуального обмена, типа Facebook, коммуникация оказывается резко индивидуализированной и строится вокруг предпочтений, которые указываются в «личном профиле», позволяя всем разделить страсть к «общим местам» в музыке, кинематографе или в других пространствах, доступных для всех через Интернет. Такого рода сообщества могут объединять свойства обеих рассмотренных нами формул композиции, формул, которые так недружелюбно столкнулись в нашей первой истории о негостеприимном хлебе.

Пер. с франц. Александра Маркова

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Мы благодарим Ольгу Ковеневу и Ирину Чунихину за помощь с переводом некоторых терминов данной статьи.
- 2 Эти модели множественны в каждой стране и не должны отождествляться просто с национальной жизнью, поскольку их употребление в значительной степени зависит от прошлого опыта отдельных лиц. Благодарю М. Габовича, отметившего этот момент при внимательном чтении этой работы и сделавшего многие другие ценные замечания. Исключительно полезным было бы обращение к его трудам, посвященным русскому национализму и его оппонентам (Gabowitsch 2007, 2008).
- 3 Руководителями этой программы, объединившей исследователей из России и из Франции, стали Даниил Александров и Лоран Тевено. Программа исследований была осуществлена при поддержке Национального центра научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique) и Министерства науки Франции (Ministère de la Recherche). По итогам проекта подготовлен коллективный труд на французском языке (Thévenot 2010a).
- 4 Й. Ставо-Дебож посвятил этому вопросу фундаментальную работу «В направлении сообщества: социология гостеприимства и принадлежности» (Stavo-Debauge 2009), где были подробно рассмотрены условия появления иностранца в сообществе, и с точки зрения самого иностранца, и с позиций представителя сообщества Ставо-Дебож принимал участие в первых заседаниях по нашей французско-русской программе и весьма способствовал определению общего направления наших изысканий.
- 5 В Бразилии под «антропологией» подразумевается весьма широкая область знания, покрывающая едва ли не всю сферу социологии.
- 6 О роли образа врага в среде русских националистов см.: Gabowitsch 2007.
- 7 Марк Ферро продемонстрировал важность ressentiment в истории, в рамках более широкого исследования страстей, которое позволило ему рассмотреть связь между личными горькими воспоминаниями и коллективным негодованием (Ferro 2007). В отличие от коллективного негодования, которое перерастает в публичную критику несправедливости, оскорбление, переживаемое как личное, приводит к враждебности.

- 8 Понятие режима действия предназначено для того, чтобы описать динамическое отношение к материальному миру и к другим, характеризуя поиск формы гарантии и, наоборот, сомнение в случае их отсутствия. Множественности режимов действия соответствует множество форм знания и информации о реальности, подтвержденной действием. А этой множественности равно отвечает и множество форматов «благ», для которых и изыскивается гарантия действия, и «неприятностей» [«зол»], несомненных в случае их отсутствия. Рамки такого анализа см. в: Thévenot 2006, 2007; Тевено 2000, 2006, Ковенева 2008.
- 9 В этих сравнительных исследованиях изучается и роль модели порядка величия, нацеленного на общее благо, и природа постоянного компромисса, который поддерживается между несколькими порядками величиями (Boltanski, Thévenot 1991). Для упрощения задачи мы сосредоточимся на противопоставлении модели либерального построения публичности и модели «общего через близкое», оставив в стороне модель построения сообщества через величие общего блага.
- 10 Наиболее полное представление всех трех моделей, сопровождаемое сеткой анализа идентичностей, содержится в публикации: Thévenot 2010b.
- 11 Мы пишем «относительной», поскольку наше исследование ограничивается композицией общности внутри сообщества, открытого и гостеприимного к любому человеческому коллективу.
- 12 Ставо-Дебож отметил, что можно писать «индивид в сообществе», что с еще большей определенностью подчеркнет место сообщества в либеральной композиции и позволит критикам либерализма понять, что в либеральной конфигурации нет никакого противостояния «личности» и «сообщества» (Stavo-Debaugé 2009). Но мы предпочитаем обозначение «индивид в состоянии публичности», показывающее, что в либеральном построении социальности значимо само понятие «публичного», противопоставленное «частному».
- 13 Нужно заметить, что, к сожалению, термин «переговоры» (*négociation*) стал означать в словаре социальных и политических наук *любую* модальность общения, рассматриваемую как универсальная, тогда как наше исследование показывает принадлежность переговоров именно либеральной композиции общности.
- 14 Многозначный русский термин «общение» может употребляться по отношению к самым различным способам и степеням общности: «тесное общение», «личное общение», «дружеское общение», «деловое общение» и даже «общение с природой». В последнем случае речь идет не только о религиозном или духовном переживании общности с природой, причастности ей; «общение с природой» может означать просто близость собственных привычек к естественным или же отношение к природе как к чему-то живому, к чему можно очень крепко привязаться (Koveneva 2010).
- 15 Расхождение между двумя композициями общности проявляется даже в грамматическом обозначении действующего лица. В отличие от французского и английского языков русский язык показывает различие между конструкцией, начинающейся с «я» и обозначающей исключительно индивидуальный выбор, и конструкцией, начинающейся с дательного падежа «мне», за которым следует безлично употребляемый глагол в третьем лице, чем нередко обозначается участь, которую человеку надлежит разделить с другими людьми. Так, широкое употребление формулы «мне надо» превращает действующее лицо в точку приложения необходимости и обязательств, диктующих его поведение. Коммунистическое общество и советская власть во многом строились на этой «необходимости», которая была распространена и на все совершенно личные действия. Н. Карева отмечает у женщин-респондентов (при сборе рассказов о собственной жизни в 1960–1980-е годы) тенденцию воспринимать личные усилия как часть этой необходимости, вместо того чтобы записывать их на свой счет (Новикова, Карева, 2004).
- 16 Заметим, что это желательное недоразумение стало объектом стратегической эксплуатации и со стороны ряда политиков в странах Западной Европы. Эти политики, будучи меньше всего либералами в смысле либеральной и демократической композиции, наполняют авторитарный популизм демагогическими

«Чудесный хлеб» гостеприимства...

- лозунгами «свободы» в смысле освобождения от «бюрократических» норм общества и государства.
- 17 Тезис Антона Олейника об отсутствии в России инфраструктур, соответствующих режиму публичного оправдания или критики, и о дифференциации в России множества модусов величия, которым только эти соглашения и могут придать смысл, был документирован его исследованием о состоянии организованной преступности и тюрем (Oleinik 2001 [рус. пер.: Олейник 2001]). Эта проблематика получила развитие в критике власти на основании исследования, посвященного сексуальным практикам и злоупотреблениям в профессиональной сфере (Oleinik 2010), которое показывает асимметричное употребление самого интимного из общих пространств — тела, на которое направлено сексуальное или любовное притязание.
  - 18 Исследование о приватизации квартир в постсоветской России, проведенное Авророй Шено, позволило проанализировать трения и компромиссы между советским правом собственности, основанным, в частности, на идее пользования, и либеральным правом частной собственности. Особое внимание было уделено в исследовании трудностям при переходе к либеральному управлению общим пространством (Chaigneau 2010). Российские граждане часто пренебрегают теми соглашениями, которые требуются для совместного владения собственностью или просто для сосуществования в рамках частной собственности, заменяя их идеей «свободы», понимаемой в плане неограниченного личного пространства.
  - 19 Об этом столкновении взаимных оценок России и Запада см. в: Kharaeva 1994, 1995a, 1995b.
  - 20 После событий 11 сентября в США с особой остротой ощущалась подозрительность в отношении врагов отечества, как внутренних, так и внешних, о чем свидетельствовали, в частности, многие наши американские коллеги из Калифорнии.
  - 21 О. Ковенева объясняет этот вопрос, исходя из построенного на принципе симметрии сравнения французского и русского способов присвоения городского и природного пространств — от близкого к публичному (Ковенева 2006, Koveneva 2010).
  - 22 О различии моделей дружеского общения см.: Kharkhordine, Kovaleva 2010. О месте «дружбы» среди политических понятий в России см.: Kharkhordine 2005. В своем замечательном труде «Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности» (английское издание — 1995) Хархордин создает модель дифференциации личности на разных уровнях дружеских отношений, когда с полным доверием о человеке судят по его друзьям.

ЛИТЕРАТУРА

- Boltanski, Thévenot 1991 — *Boltanski L., Thévenot L. De la justification. Les économies de la grandeur.* Paris: Gallimard, 1991 (русский пер. О. Ковенева: М.: НЛО, 2010, в печати).
- Centemeri 2006 — *Centemeri L. Ritorno a Seveso. Il danno ambientale, il suo riconoscimento, la sua riparazione.* Milano: Bruno Mondadori Editore, 2006.
- Chaigneau 2010 — *Chaigneau Aurore. Le droit à l'épreuve de son usage. Engagements et coordination dans l'habitat collectif en Russie // Des liens du proche aux lieux du public; Russie — France, regards obliques / L. Thévenot (dir.).* Paris, 2010 (в печати).
- Colin-Lebedev 2009 — *Colin-Lebedev Anna. Du souci maternel à l'action en commun. Le Comité des mères de soldats de Russie et ses requérants (1989–2001): Thèse de doctorat de sciences politiques, Institut d'Etudes Politiques.* Paris, 2009.
- Daucé 2010 — *Daucé Françoise. Les associations de défense des droits de l'homme en Russie: un espace de composition entre des régimes d'engagement // Des liens du proche aux lieux du public; Russie — France, regards obliques / L. Thévenot (dir.).* Paris, 2010 (в печати).

- de Tinguy 2004 — *de Tinguy Anne*. La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer. Paris: Plon, 2004.
- Ferro 2007 — *Ferro Marc*. Le ressentiment dans l'histoire. Comprendre notre temps. Paris: Odile Jacob, 2007.
- Gabowitsch 2007 — *Gabowitsch Mischa*. Le spectre du fascisme. Le nationalisme russe et ses adversaires, 1987–2007 / Thèse de doctorat des sciences sociales, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales. Paris, 2007.
- Gabowitsch 2008 — *Gabowitsch Mischa*. Reasons against nationalism. Comparative reflections on anti-racisms and anti-fascisms in Russia, Germany, France, and the USA / Paper presented at the 13th World Convention of the Association for the Study of Nationalities. Columbia University, NYC, April 10–12.
- Griessse 2008 — *Griessse Malte*. Communiquer, juger et agir sous Staline. La personne prise entre ses liens avec les proches et son rapport au système politico-idéologique / Thèse de doctorat d'histoire, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales. Paris, 2008.
- Kareva 2010 — *Kareva Nina*. Le régime d'hospitalité dans l'expérience de l'étranger // Des liens du proche aux lieux du public; Russie — France, regards obliques / L. Thévenot (dir.). Paris, 2010 (в печати).
- Kareva 2006 — *Kareva Nina*. Le désappointement d'Andreï (Note de travail sur le régime d'hospitalité à l'épreuve).
- Khapaeva 1994 — *Khapaeva Dina*. L'Occident dans l'imaginaire russe // Information sur les Sciences Sociales. Vol. 33. 1994. № 1. P. 553–569.
- Khapaeva 1995a — *Khapaeva Dina*. L'Occident sera demain // Annales HSS. Vol. 50. 1995. № 6. P. 1259–1270.
- Khapaeva 1995b — *Khapaeva Dina*. «As the whole civilized world...» // Social Science Information. Vol. 34. № 4. 1995. P. 687–704.
- Kharkhordine 1999 — *Kharkhordine Oleg*. The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Kharkhordine 2005 — *Kharkhordine Oleg*. Main Concepts of Russian Politics. Lanham: University Press of America, 2005.
- Kharkhordine, Kovaleva 2010 — *Kharkhordine Oleg, Kovaleva Anna*. Gradations of proximity in contemporary Russian friendship // Des liens du proche aux lieux du public; Russie—France, regards obliques / L. Thévenot (dir.). Paris, 2010 (в печати).
- Kondratieva 2002 — *Kondratieva Tamara*. Gouverner et nourrir. Du pouvoir en Russie (XVIIe–XXe siècles). Paris: Les Belles Lettres, 2002.
- Кондратьева 2009 — *Кондратьева Т.* Режимные люди в СССР. М.: РОССПЭН, 2009.
- Koveneva 2010 — *Koveneva Olga*. De l'aise de l'«habiter» à la grandeur du civisme Écologique: Regards croisés sur la constitution de la cause environnementale en France et en Russie // Des liens du proche aux lieux du public; Russie — France, regards obliques / L. Thévenot (dir.). Paris, 2010 (в печати).
- Ковенева 2006 — *Ковенева Ольга*. Тернистый путь защитника природы: Экологическое действие в России и во Франции // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 46.
- Ковенева 2008 — *Ковенева О.В.* Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлеченности» // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 5–21.
- Lamont, Thévenot 2000 — Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States / M. Lamont, L. Thévenot (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Новикова, Карева 2004 — *Новикова Эльвира, Карева Нина*. История становления женского самосознания: ключевые фигуры движения за права женщин // Уст-

«Чудесный хлеб» гостеприимства...

- ная история и биография — женский взгляд / Ред. Е.Ю. Мещеркина. СПб.: Невский простор, 2004. С. 39—90.
- Oleinik 2001 — *Oleinik A.* Criminalité organisée, prison et sociétés post-soviétiques. Paris, Torino: L'Harmattan (Préface d'Alain Touraine), 2001.
- Oleinik 2010 — *Oleinik A.* Uses and Abuses of Sexuality in Social Interactions: The Russian Case // Des liens du proche aux lieux du public; Russie—France, regards obliques / L. Thévenot (dir.). Paris, 2010 (в печати).
- Олейник 2001 — *Олейник А.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001.
- Stavo-Debaugue 2009 — *Stavo-Debaugue Joan.* Venir à la communauté. Une sociologie de l'hospitalité et de l'appartenance / Thèse de doctorat à l'EHESS. Paris, 2009.
- Thévenot L, 2006 — *Thévenot L.* L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. Paris: La Découverte, 2006.
- Thévenot L., 2007 — *Thévenot L.* The plurality of cognitive formats and engagements: moving between the familiar and the public // European Journal of Social Theory. 2007. Vol. 10. № 3. P. 413—427.
- Thévenot 2010a — Des liens du proche aux lieux du public; Russie—France, regards obliques / L. Thévenot (dir.). Paris, 2010 (в печати).
- Thévenot 2010b — *Thévenot L.* Trois compositions du commun au pluriel: par grandeurs de bien commun, individus du public libéral, affinités communes (в печати).
- Тевено 2000 — *Тевено Л.* Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 84—111.
- Тевено 2004 — *Тевено Л.* Наука вместе жить в этом мире // Неприкосновенный запас. 2004. № 3. С. 5—14.
- Тевено 2006 — *Тевено Л.* Креативные конфигурации в гуманитарных науках и конфигурации социальной общности / Пер. О. Ковеневой // НЛЮ. 2006. № 77. С. 285—313.
- Тевено 2009 — *Тевено Л.* Вверх дном: сообщество и личность в кульбите речей Мая 68 года / Пер. О. Ковеневой // Антропология революции / Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М.: НЛЮ, 2009. С. 242—293.
- Thévenot, Lamont 2000 — *Thévenot L., Lamont M.* Exploring the French and American polity // Rethinking comparative cultural sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States / M. Lamont, L. Thévenot (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 307—327.